

Роберт Ритчер

Город Бальцер и его округа

Основанный немецкими колонистами, город стоит в 75-ти километрах южнее Саратова и на двенадцатикилометровом удалении от Волги.

Почему колонию zaloжили именно на этом месте?

Известно, что первым условием для жизни людей является наличие удобного для использования источника воды. Конечно, лучшего в этом отношении места, чем Волга, не найти, но волжские берега были уже заняты. А здесь вода была, и ценность представляла не маленькая речушка, протекавшая по дну глубокого и широкого оврага, а нечто другое: на одном из изгибов её русла склон этого оврага становился резко обрывистым, и из нижней части обрыва изливались многочисленные мощные родники чистой воды. Рядом с этими родниками и zaloжили колонию. Поселенцы их расчистили, благоустроили, сделали удобный подъезд.

А речушка, в которую сливались воды этих родников (Большого родника, как говорили в нашем детстве), впадает в речку размером поболее под названием Карамыш, да и сама она тоже называется Карамыш, только Голый.

Для любознательных: Карамыш

Почему речку так назвали? Судя по звучанию, слово это татарское, точнее – тюркское. Что такое «кара», вроде бы известно практически любому человеку – это значит «чёрный». Сложнее с формантом «мыш». Знатоки объясняют: «мыш» - это «отглагольный аффикс, эквивалентный в русском языке причастному суффиксу». Если исходить из этого, то название реки должно переводиться как «чернеющая» или «чёрнёная». Встретился даже перевод слова «карамыш» как «мутный, илистый». Что-то здесь не то: не подходят эти определения к реальному Карамышу – он светлый и прозрачный. Надо поискать другой вариант ответа.

Таких вариантов нашлось несколько. Оказалось, что слово «кара» не стоит трактовать однозначно, в древнетюркском языке оно обозначало несколько понятий:

1. чёрный цвет,
2. грозный, сильный, мощный,
3. обильный, богатый,
4. главный, великий,
5. простой народ, простолюдины (вроде славянского «чёрнь»),
6. посмотри, взгляни,
7. явись на свет, родись.

Было и имя Карамыш, которое обозначало либо тёмный цвет родившегося ребёнка, либо «защитивший, защищающий», либо «ребёнок родился». Точного объяснения для названия реки никто пока не дал, так что каждый может выбирать по собственному усмотрению. Лично я предполагаю, что река названа так не за присущие ей особенности, а по имени какого-нибудь золотоордынского сановника, которому были во владение или управление отданы эти места. Тем более – имеется аналогия.

Есть в Саратовской области город Аткарск. Городом он стал в 1780 году, до этого был селом с названием Еткара, известным ещё с XIV века, на реке Иткаре. Документально известен Иткар – начальник улуса в Золотой Орде, с ним связывают название реки.

Надо отметить, что тюркские названия носят многие реки в Саратовской области, особенно на левобережье Волги: Идолга, Иргиз, та же Иткара, Колышлей, Караман, Кушум, Нахой и другие. Можно вспомнить и населённые пункты такого же происхождения вроде Увека, Курдюма или Ахмата.

Конечно, точку здесь ставить нельзя. Нелишне обратиться и к монгольским именам. Встречаются в истории и Огюль Гаймыш – жена великого хана Гуюка, и Ильбесмыш – хан Белой Орды, и Тохтамыш – хан Золотой Орды. Но пусть это сделают специалисты.

Считается, что колонию основали 90 переселенческих семей из Германии. Это утверждение скорее всего шло издавна из самого Бальцера, так как его повторили и Петер Зиннер, и Карл Штумп, да и краеведческий музей города Красноармейска соглашается с ними.

Если же взять поимённый список колонистов, прибывших в колонию за три года и считающихся её основателями, то в нём мы найдём 94 фамилии; в их числе – 87 глав семейств, 1 вдовец, 2 неженатых молодых человека и 4 вдовы. Видимо, после небольшой утряски и образовались эти традиционно называемые 90 семей.

Год рождения колонии – 1765-й. Именно в том году, 28 августа, на место будущей колонии Бальцер прибыли первые 13 семей переселенцев. Более справедливо было бы называть только их основателями: именно они, прибыв на голое место, заложили, образно говоря, первый камень. Это были выходцы из Гессена (7 семей) и из Пфальца (6 семей). Десять глав семейств были крестьянами, один – портным, один – кузнецом, а один вообще был отставным капитаном фузилёрского полка (Якоб Дорлош из Гессена).

Эти сведения взяты из книги немецкого исследователя Карла Штумпа «Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland in die Jahren 1763 bis 1862» («Эмиграция из Германии в Россию с 1763 по 1862 годы»). Другой источник (Якоб Фольц в журнале «Конгресс немцев Поволжья в Америке») о первых поселенцах пишет так:

«28 августа 1765 года прибыли первые 9 семей: 16 лиц мужского пола и 16 лиц женского пола, а именно Бальцер Бартули из Эссена, Якоб Тишлер из Гладбаха, Филипп Декер и Якоб Шек из Курпфальца, Генрих Гефт и с ним неженатый 16-летний Валентин Габерманн из Изенбурга, Леонард Больц и Людвиг Тебеле из графства Гогенлоэ – все пахари, а также Георг Робертус, кузнец из Швейцарии. 26 ноября прибыли ещё 2 семьи: Георг Мартель, кузнец, и Якоб Герцог из Курпфальца. 28 июня (здесь явная ошибка в дате **Р.Р.**) приехал Якоб Дорлош с женой, капитан Гессенского пехотного полка. Все вышеперечисленные лица – 49 душ – жили в землянках у пруда “Казачий источник” всю зиму». Как несложно заметить, сведения из американского источника несколько отличаются от немецкого, но вряд ли есть смысл обращать внимание на эти разночтения.

В 1766 году в колонию прибыли ещё 23 семьи. Большей частью они были выходцами из Пфальца – 14 семей, остальные – кто откуда: из Гессена – 2, из Бадена – 4, из Швейцарии – 1, неизвестно откуда – 2 семейства.

Ещё через год, среди лета 1767 года, прибыла последняя партия. Это была довольно большая организованная группа – религиозная община реформатов из гессенского графства Изенбург.

По переписи 1768 года в колонии насчитывалось 377 человек.

По императорскому указу от 26 февраля 1767 года колония получила официальное название Голый Карамыш. Но ещё ранее, до выхода указа, переселенцы называли её Бальцер – по имени первого форштегера (старосты) колонии Бальцера Бартули.

Для любознательных: Бальцер Бартули

Его настоящее имя – Бальтазар Бартольд. Он родился в 1729 году в крестьянской семье в местечке Хофхайм на Рейне, неподалёку от города Вормс.

В 27-летнем возрасте он женился. В течение трёх лет у супругов родилось трое детей, один из которых умер. В 1759 году они приняли решение уехать в Данию, куда датское правительство приглашало переселенцев для освоения неиспользуемых земель на севере Ютландского полуострова. Они были определены на жительство в колонию Хавредал.

В 1762 году Бальтазар и двое его сотоварищей в драке убили человека – такого же колониста, как они. Их арестовали и поместили в тюрьму. В 1763 году суд приговорил всех троих к смертной казни, однако они всей компанией исхитрились из тюрьмы сбежать.

В это время в германских странах агенты Екатерины II уже начали деятельность по вербовке иностранцев на переселение в Россию. Бальтазар Бартольд, беглый преступник, заметая следы, сменил имя на Бальцер Бартули и под ним отправился в Поволжье, выдав себя за жителя города Эссен. И что интересно: не один, а вместе с женой и детьми – значит, не так уж активно ловили беглецов, раз удалось ему забрать семью из Хавредала.

Судя по всему, был он человеком неглупым и энергичным: не зря же переселенцы из его группы сразу признали его достоинства и избрали старостой, хотя среди них был человек вроде бы более подходящий для этого – капитан Якоб Дорлош.

В Бальцере утвердился принесённый переселенцами из Гессена верхнегессенский диалект немецкого языка, на котором говорили реформаты, выходцы из Изенбурга. Оно и понятно: они были в большинстве. Согласно исследованиям профессора Г.Дингеса, на нём говорили ещё в трёх сёлах бальцерской округи: Норке, Гуке и Куттере. И это тоже понятно: там так же, как и в Бальцере, преобладали изенбургские реформаты.

Хотя среди немецких переселенцев почти не было выходцев из Саксонии, тамошние русские (а это продолжало наблюдаться ещё и в XX веке) называли немцев саксонами; видимо, это название закрепилось за немецкими колонистами с давних пор (ещё Пугачёв в своём указе утверждал, что его «поддерживают поселённые на Волге саксоны»). Не исключено, что слово «саксоны» у какой-то части русских служило для обозначения всех немцев (по-фински, например, немцы тоже зовутся «сакса»).

Местный диалект был далёк от литературного немецкого языка. Бальцерские немцы говорили "kruus" вместо "gross", "braat" вместо "breit", "Kou" вместо "Kuh", и даже русское «здравствуйте» в устах некоторых звучало как «страаст».

Земельные угодья поселения располагались больше к северу и к западу от него, чем к югу и востоку; с юга близко были земли соседней колонии Моор, а с востока, километра за три, начинался массив смешанного леса (дуб, берёза, липа, вяз, клён).

Как застраивалась колония?

Вот что пишет И.Плеве:

«Планы застройки колоний разрабатывались в Саратове. Были разработаны 2 типовых плана застройки. Один из них был рассчитан на 40 дворов, другой на 64. По этим проектам дома располагались вдоль главной улицы шириной 30-32 метра. Главную улицу пересекали небольшие поперечные шириной 6 метров. В центре колонии, на пересечении главной улицы широкой поперечной (30 метров), планировалось сооружение церкви, школы и других общественных зданий. Эти планы строжайшим образом соблюдались. Если условия местности позволяли поселить больше колонистов, то размеры колоний увеличивались соответственно до 80 или до 132 дворов, в редких случаях – до 200 дворов».

Конечно, с тех пор прошло много времени, и сейчас трудно себе представить наличие в городе Красноармейске, бывшем Бальцере, улицы шириной 30-32 метра (разве что этому может близко соответствовать нынешняя улица Смольянинова, бывшая Базарная, она же ещё ранее – Breitegasse, по-русски – Широкая улица). То, что было нормально для небольшого населённого пункта, не годилось для поселения развивающегося и расстраивающегося. На смену тому, что было принято для вновь организуемых колоний, пришла другая, более компактная планировка.

Довольно широкие прямые улицы делили колонию на примерно одинаковые по размеру квадраты-кварталы (иногда, правда, получались прямоугольники, а не квадраты). В каждом квартале по углам строились 4 дома, внутриквартальная площадка делилась между хозяевами поровну. На этих участках, кроме жилого дома, возводились традиционные немецкие постройки, разбивались сад и огород. Потом пришлось опять тесниться: между угловыми домами стали строить ещё по дому, выходящему лицом на улицу; теперь в пределах одного квартала размещалось уже 8 хозяйств. Естественно, пришлось перекраивать и внутриквартальную территорию.

Первым колонистам, если верить отчётам Саратовской конторы, были построены обещанные правительством деревянные дома (правда, самым первым зимовать пришлось всё-таки в землянках). Потом же, по мере роста населения, большинство домов и надворных построек стали сооружать из камня-известняка на глиняно-песчаном растворе. Дома эти обмазывались опять-таки слоем глины, смешанной с песком, мелко изрубленной соломой и даже навозом, потом их белили мелом. Цоколи выкладывались из красного кирпича на глиняно-песчаном или известковом растворе.

Продолжали, конечно, строить дома и деревянные, а люди побогаче – и кирпичные, но их было значительно меньше, чем каменно-глиняных.

Крыши у домов были разные: железные, дощатые, соломенные; на первых порах - преимущественно соломенные. Устраивались они с отменным мастерством: по деревянной обрешётке особым образом укладывались и прочно крепились одинакового размера плотно связанные снопы из ржаной соломы.

Каждое подворье от улицы отгораживалось высоким дощатым сплошным забором, в котором устраивались ворота и калитка. Воротный проём сверху имел перемычку с козырьком на две стороны. Высота ворот позволяла въехать во двор конному возу с сеном, ширина – около трёх метров. Запирались они деревянной перекладной, чаще всего – дубовой, надёжно крепившейся на воротных столбах. Калитки устраивались прочные, с коваными навесами, щеколдой и засовом, и такой ширины, чтобы могла пройти даже стельная корова.

Блок надворных построек традиционно включал в себя летнюю кухню, дровяник (он же погребница), конюшню и шаер (Scheuer) – большой сарай для хранения телег, саней и инвентаря. Нередко строился и амбар для хранения зерна.

Особое слово – о погребах. Немецкие семьи были большими, зачастую очень большими, и вопрос сохранения запасов был вопросом жизни и смерти. В Бальцере погреба строились обширные, глубокие, стены их выкладывались из тёсаного камня, каменными были и высокие полукруглые своды. Погреб имел хорошую естественную вентиляцию, в нём было прохладно и сухо. Там места хватало для всего: и для картофеля, и для свёклы, и для моркови, редьки, брюквы и так далее; в больших двухсотлитровых деревянных кадках квасили капусту, солили огурцы и помидоры, мочили арбузы, яблоки и сливы. Собственными силами редкий хозяин мог справиться с такой сложной работой, как сооружение погреба, требующей и опыта, и специальной оснастки, и набора камнетёсного инструмента. Так что большинству хозяев приходилось приглашать бригаду специалистов.

Перед домом чаще всего устраивался палисадник.

Практически весь строительный материал был местным. На выходах известняка в районе Большого родника была организована каменоломня, поодаль от колонии разработан был глиняно-песчаный карьер (в детстве называли мы его «Большая яма»). На трёх небольших кирпичных заводиках выпускался кирпич отменного качества: не только прямоугольный, но и фигурный, не только красный, но и синеватый, и зеленоватый.

В начальный период освоения целины основным поставщиком лесоматериалов для строительства и дров на топливо был тамошний лес. Однако уже в начале XIX века властям стало ясно, что при таких темпах вырубки в ближайшее время от леса ничего не останется (необходимо учесть, что в русских сёлах и деревнях дома строились только деревянные, из дубовых брёвен), были введены запретительные меры, регламентирующие порядок вырубки; одновременно в Шиллинге была организована лесная биржа, куда древесина сплавлялась с верховий Волги и где была налажена её распиловка.

Были неподалёку и меловые горы.

Когда Бальцер стал разрастаться, появились трудности с доставкой воды из Большого родника (для водовозов к нему были сделаны целых 4 съезда, а для водоносов – построена лестница, выходящая на нынешнюю улицу Луначарского). Проблема была решена известным способом – копкой колодцев. Грунтовые воды там залегают низко, колодцы потребовались глубокие, до тридцати метров. Не каждой семье под силу было иметь свой колодец, так что они устраивались в основном общественные. Хочется заметить, что бальцерские родники и действовали, и использовались ещё и в сороковых, и в пятидесятых годах XX столетия (да и дальше бы не иссякли), но в конце пятидесятых в городе начали строить водопровод, нужда в родниках отпала; за ними перестали ухаживать, а потом и вовсе засыпали. А жаль: и зрелище впечатляющее, и вода отличная, чистая-пречистая.

Гости, бывавшие в поволжских колониях, будь то должностные лица или путешественники, почти все без исключения говорили о высоком уровне порядка в них: очень хорошем виде зданий, чистоте улиц, большом количестве палисадников и так далее. В Бальцере, например, в 1868 году побывал немецкий путешественник и натуралист на русской службе Самуил Готлиб Гмелин. Даже он, этнический немец, был поражён чистотой улиц, отличным видом домов, заборов, палисадников, надворных построек.

Как удавалось достичь такого порядка?

Следует прямо сказать, что немалую роль в этом играл немецкий менталитет: склонность народа к порядку, законопослушность, трудолюбие. Но при этом не следует исключать варианта, что некоторые люди иногда могут не обладать ни первым, ни вторым, ни третьим. Что делать с ними? Вот тут приходило время форштегера, который в таких случаях обязан был воспользоваться властью. Инструкция о внутреннем распорядке в колониях требовала от каждого жителя содержать в порядке не только строения своей усадьбы, но и часть улицы перед своим домом. Если кто-то уклонялся от выполнения этих требований, то форштегер имел право оштрафовать его на 20 копеек и дать время на исправление. Если же и это не действовало на нарушителя, то он мог быть всенародно высечен, после чего должен был быть «принужден всё оное немедленно исправить под присмотром нарочно приставленного к тому одного байзитцера». Судя по результату, меры эти были очень действенны, да и бальцерские форштегеры были на своих местах.

Статистика говорит о том, что от момента основания и до конца XVIII века Бальцер как населённый пункт практически не рос, да и количество жителей увеличивалось незначительно. В самом начале были уже известные нам 90 семей и 377 человек, по переписи 1788 года – 99 семей и 682 человека, в 1798 году – 101 семья и 726 человек.

Но уже в 1816 году зафиксирован приличный сдвиг: 145 семей и 1195 жителей. Темп роста сохранился и в последующем: 1834 год – 239 семей и 2258

человек, 1850 год – 263 семьи и 3640 человек, 1857 год – 373 семьи и 4472 человека. Причина этих изменений понятна: жизнь вошла в более или менее нормальную колею, люди прилежно работали, и результаты их труда ощутимо повысили их благосостояние. Уменьшилась смертность детей, молодые люди получили возможность после вступления в брак отделяться от родителей и заводить собственное крестьянское хозяйство. Но возможности для такого развития не были безграничны – на всех просто не стало хватать земли.

И если в некоторых других колониях проблема безземелья в какой-то мере находила решение переселением части жителей в другую местность, где ещё имелись в наличии свободные и пригодные для земледелия угодья, то Бальцер пошёл по другому пути. Это был путь промышленного развития (правда, колония под названием Ной-Бальцер тоже была организована – в 50-ти верстах на запад от Бальцера).

В одной из своих повестей Райнхард Кёльн так вот описал свой приезд в Бальцер в начале XX века:

«В Бальцер прибыли мы на заходе солнца. Из открытых окон одноэтажных, в основном из глины и кирпича построенных домов был слышен характерный стук ткацких станков. Здесь каждый житель был или ткач, или красильщик, или кожевник» (перевод с немецкого).

И он был почти прав, утверждая это.

Правда, если быть более точным, то началось ни с первого, ни со второго, ни с третьего. Сначала массовым бизнесом в колонии стало мукомольное производство. Первые ветряные мельницы были построены на западной окраине колонии в конце 20-х годов XIX века. Их было четыре, две принадлежали Борелю, по одной – Майзингеру и Вайцелю. В 40-50-х годах соорудили ещё восемь – теперь на северной стороне. Хозяевами их были Якель, Май, Шнайдер, Кайзер, Губер. Есть информация, что владельцами мельниц были также Вебер, Меркель, Клаус и Бауэр и что общее количество мельниц в Бальцере насчитывало 18 единиц. Конечно, мельницы эти были слабосильными, малопродуктивными, и с введением паровых машин в 80-х годах они в большинстве своём оказались обречены – их вытеснили мельницы более мощные, более производительные. Но не все мукомолы оказались при этом у разбитого корыта. Кое-кто и потом преуспел. Среди них было одно семейство, которое преуспело настолько, что своими достижениями в мукомольном производстве прославилось не только в родном Бальцере, и даже не только в Саратовской губернии, но и по всей России. Это было семейство Борелей.

Для любознательных: Борели

Среди поселенцев второй бальцерской волны были два Бореля – братья Георг и Якоб, прибывшие в колонию 28 марта 1766 года из графства Баден-Турлах.

Мне не удалось установить, потомки которого из братьев оказались более предприимчивыми и со временем широко прославились, но полагаю, что это не так уж и важно. То, что Борели завели как минимум две мельницы в Бальцере, не удовлетворило их предпринимательских устремлений. В 40-х годах XIX века, когда в Бальцере и его округе стало

распространяться ткачество, Борели занялись скупкой у населения и перепродажей сарпинковых тканей. Позднее, в 60-х годах, они стали ещё заниматься и зерном, также скупая его у поселян и перепродавая или на хлебных биржах, или напрямую крупным мукомолам. Так был создан начальный капитал.

В 1866 году Иоханн Борель, правнук Бореля-первопроходца, приобрел у саратовского купца Уварова его паровую мельницу, и это позволило ему встать в один ряд с наиболее крупными саратовскими мукомолами. Активно помогал отцу его сын Эммануил, родившийся в 1837 году. В 1876 году отец с сыном построили в Саратове ещё одну паровую мельницу, а со временем – ещё две.

После смерти Иоханна Бореля фирму возглавил Эммануил Иванович. В 1892 году он учредил в Саратове торговый дом «Э.И. Борель» и активно продолжал совершенствовать и расширять разнообразные производства фирмы. Он умер в 1905 году, оставив наследнику своему, Эммануилу Эммануиловичу (он родился в 1868 году) очень крупное дело. Сын оказался не менее предприимчивым, чем дед и отец, превратил семейный бизнес в огромное объединение, в которое входили четыре мощные паровые мельницы, девять отделений для сбыта готовой продукции и скупки зерна и множество подсобных производств. Пшеничная мука с борелевских мельниц сбывалась не только в Поволжье, но и на биржах многих других городов, в том числе Москвы, Петербурга, Хельсинки, Баку.

В 1913 году имущество торгового дома Бореля (вместе с его личным капиталом) оценивалось более чем в 11 миллионов рублей, что по тому времени было очень крупным состоянием. Достаточно сказать, что Э. Борелю, кроме четырёх его мельниц, принадлежало 30 тысяч гектаров посевных земель и леса, 2 цементных завода, элеваторы, амбары, торговые склады, заведения по производству лекарственных трав, лесопилка и другие производства.

У Э.Э. Бореля была большая семья: жена – Ксения Фёдоровна, четверо сыновей: Эммануил, Константин, Владимир, Виктор, дочь Эльза.

После октябрьского переворота 1917 года имущество фирмы было национализировано, а члены семьи «буржуев» Борелей рассеяны кто куда. Последний из них – Иван Иванович Борель, племянник Эммануила Эммануиловича – был арестован в Саратове в 1937 году и сгинул в Гулаге.

В одной из публикаций о Борелях утверждается – правда, с некоторым сомнением – что первый Борель был пленным французом из наполеоновской армии. Конечно, это не так.

В 40-60-х годах XIX века в Бальцере возникло не менее 30 кожевенных мастерских. Это не случайно: кожа всегда была ходовым товаром. Шла она не только на пошив обуви, кожаной была конская упряжь (на одни сёдла для кавалерии требовалось её огромное количество), кожей обтягивались мягкие диваны, отделялись кареты, кожаными боли кофры и сумки путешественников. Кожевенное производство в Бальцере утвердилось надолго.

По сведениям Государственного департамента торговли и мануфактур за 1884 год в Голом Карамыше насчитывалось 8 кожевенных заведений, годовой доход каждого из которых составлял не менее 2000 рублей (о более мелких не сообщалось). Владельцами этих, как их тогда называли, «заводов» были Андрей Вебер, Яков Магель, Конрад Эйрих, Яков Вебер, Даниил Магель, Иван Магель, Пётр Губер, ещё один Яков Вебер (или тот же самый?). Самыми крупным был «завод» Петра Конрадовича Губера, на котором в год обрабатывалось 1500 бычьих шкур, имелось 10 наёмных рабочих, годовой доход составлял 12 тысяч рублей. Почти таким же было заведение Конрада Эйриха, остальные – поменьше. Людей со стороны привлекали мало – чаще всего бизнес был семейным. Работа эта была тяжёлая и грязная. Отходы производства сливались в основном в слабый приток речки Голый Карамыш, пересекавший Бальцер с запада на восток. Вода в нём

была напрочь испорчена этими отходами, стала грязной и вонючей. Хорошо ещё, что впадала эта речушка в Голый Карамыш почти за пределами колонии. Надо сказать, что кожевенное производство из всех промышленных занятий населения оказалось наиболее консервативным, плохо подвергалось совершенствованию и ещё в XX веке существовало на кустарном уровне начала XIX века.

Но славу Бальцеру как промышленному центру принесли не мельницы и не кожевенные заводы, а ткачество. Он стал одним из крупных центров Поволжья по производству хлопчатобумажной ткани, получившей название «сарпинка».

Для любознательных: сарпинка

Хлопчатобумажная ткань в России не производилась почти до конца XVIII века. Она, конечно, использовалась, но привозная, и была доступна только людям состоятельным.

В России производство её зародилось в 70-80-е годы XVIII века в колонии Сарепта, основанной немцами-гернгутерами в 1765 году неподалёку от города Царицына, при впадении в Волгу небольшой реки Сарпа (гернгутеры – это представители одного из протестантских религиозных течений, возникших на Западе в эпоху Реформации). Технология производства и опыт работы были привезены ими из Германии, прядильные и ткацкие станки на новом месте они соорудили сами, а сырьё на первых порах закупали в Англии, Америке и Персии, краски завозили из Германии.

Почему ткань, вырабатываемая немцами, получила по-русски звучащее название «сарпинка»? Причина в том, что название это пошло от русских мужиков. Жителей Сарепты они называли не сарептскими немцами, а сарпинскими – по реке Сарпе. И когда сарептяне стали торговать своей тканью, в русской среде её сразу стали называть сарпинкой. Так это название и закрепилось, стало официальным.

Надо отметить, что если сарпинка в начальный период была только хлопчатобумажной, то со временем научились вырабатывать и шёлковую, и полушёлковую, и чесучёвую, да и сама хлопчатобумажная ткань стала выпускаться в различном ассортименте и соответственно – разной цены. Из толстой пряжи выделялась дешёвая ткань, из неё народ шил рубашки, сарафаны, даже брюки. Ткань из тонких нитей шла на платья, блузки, летние сорочки и была более дорогой. Наибольшее число сортов различалось по окраске и узору, у некоторых производителей (Борель, Бендер, Шмидт) насчитывалось до 80 сортов. Кроме материй выпускались ещё и сарпинковые платки, находившие себе покупателей во всех слоях общества. Можно сказать, что сарпинка стала поистине товаром всенародного потребления.

Сарептская община гернгутеров, родоначальница сарпиночного производства, активно расширявшая его, это производство, со временем начала испытывать недостаток кадров и стала привлекать мужчин-ткачей из других немецких колоний. Но их сначала требовалось обучить этой профессии, что сарептяне и делали, открыв у себя две школы. Основной контингент наёмных кадров был из правобережных колоний, где всегда не хватало земли и где не у дела оказывалось немало молодых мужчин. Так что в сарептской школе учились в основном выходцы из Антона, Бальцера, Норки, Шиллинга, Мессера, Гукка и Байдека.

Вот эти-то люди, научившись делу и поняв его немалые перспективы, и были первыми заводчиками сарпиночного производства в правобережных колониях, в том числе и в Бальцере.

Надо признать, что первые сарпинковые заведения среди колоний бальцерской округи появились не в Бальцере, а в Мессере. В 1818 году местные жители братья Шмидт открыли здесь первую мастерскую, которая со временем превратилась в одну из самых крупных сарпиноткацких фирм в Поволжье. В Бальцере же первые заведения открыли в 1832 году сразу несколько поселян: Якоб Шпет, Фридрих Шайдт, Людвиг Кем и Каспар Фольц. Сколько у кого было ткацких станков, теперь не установить. Ткачество в колонии ежегодно становилось всё более массовым. И дело не в количестве организованных «фабрик». Ткачеством стали заниматься на дому во многих семьях, приобретая или беря в аренду 1-2 станка. Конечно, земледельцы вряд ли могли заниматься этим делом в полевой сезон, но зимой у хлеборобов появлялось достаточно свободного времени, которое теми, кто не привык лениться, использовалось за ткацким станком. Есть свидетельства, что на Правобережье домашним ткачеством занимались не менее чем в половине хозяйств.

Статистические данные за 1884 год свидетельствуют, что в Бальцере было 9 считавшихся крупными фабрик, на каждой из которых в год вырабатывалось не менее 50 тысяч аршин сарпинки. Хозяевами их были Генрих Борель, Андрей Егорович и Андрей Иванович Бендеры, Андрей Андреевич, Андрей Иванович и Егор Андреевич Веберы, Андрей Петрович и Иван Яковлевич Меркели. Были и другие, но они были мельче.

В одном источнике обнаружил я фамилии владельцев наиболее крупных фирм по выпуску сарпинки в Саратовской губернии с указанием годовых доходов их. Борель – 150 тысяч рублей в год, Шмидт – 100 тысяч, Вебер – 60 тысяч, Бендер – 60 тысяч, Кем – 60 тысяч, Тефеле – 30 тысяч, Шпет – 15 тысяч, Идт – 12 тысяч. Нет там указаний, кто откуда был, но общеизвестно, что Борель и Бендер – точно бальцерские, а по фамилиям судя, из Бальцера могли быть и Кем, и Вебер, и Шпет, и Идт. Пройдёт несколько лет, и среди бальцерских определится безусловный лидер – Андрей Иванович Бендер.

Для любознательных: Бендер

Генрих (Андрей Иванович) Бендер был потомком Йоста Бендера, родившегося в 1740 году в графстве Изенбург и прибывшего в Бальцер в 1767 году вместе с женой Анной Маргаритой 1741 года рождения и дочерью Анной Катариной 1766 года. От опекунской конторы в Саратове получил он, как и все, «25 рублей, 2 лошади, 2 хомута, 2 узды, 2 сажени верёвок, 2 седла, 2 дуги, 1 корову». В Бальцере родились у него сыновья Андреас и Иоханн Генрих, а ещё и пять дочерей.

У Йоста оказалось немало предприимчивых потомков. Один из них – Егор Андреевич – стал довольно крупным землевладельцем, скупив более 3000 десятин земли, другой – Яков Андреевич – занялся торговлей хлебом и получил статус купца второй гильдии, третий – Иван Андреевич – тоже открыл в Саратове несколько заведений хлебной торговли, при этом торговал ещё и мануфактурой, в первую очередь – сарпинкой. Считается, что Андрей Иванович Бендер был сыном этого последнего.

Основав несколько сарпинковых заведений в Бальцере, А.И. Бендер почувствовал, что способен он и на большее. В 1887 году он объявился в Саратове, открыв на Московской улице «Специальный магазин сарпинок». Он стал инициатором создания товарищества под названием «Торговый дом А.Бендер с сыновьями, Степанов и В.Бендер». Сыновей у А.Бендера было двое, звали их Андрей и Александр. Андрей Лаврентьевич Степанов был тоже крупным дельцом, промышленником и выделкой сарпинки, и торговлей ей. Василий Васильевич Бендер был

родственником Андрея Ивановича, который в связи с отсутствием хозяина осуществлял в то время управление бальцерскими заведениями Бендера.

Товарищество это просуществовало до 1895 года – в том году из него вышел Степанов. Фирма Бендера получила новое название – «Торговый дом А.Бендер и сыновья». Бендер всё более и более расширял собственное производство, организуя в немецких сёлах небольшие артели и насаждая всё больше ткачей-надомников. Мало того, он купил в Самарканде хлопкоочистительный завод, что позволило ему иметь более дешёвый, чем у конкурентов, хлопок, и, следовательно, снизить цены на свои товары. Этим он не только привлекал в свои магазины всё больше и больше покупателей, но и всё шире завоёвывал позиции на российском рынке, открывая одно за другим отделения своего торгового дома в крупных центрах Российской империи: Москве, Тифлисе, Баку, Ташкенте.

В 1907 году Бендер построил в Бальцере ткацко-аппретивную фабрику, оснащённую новым высокопроизводительным оборудованием (аппретирование – это пропитка тканей или нанесение на них специальных веществ, придающих материалам дополнительные свойства: жёсткость, несминаемость, безусадочность). Учитывая заслуги Бендера, власти города назвали его именем улицу, на которой была построена новая фабрика, – Bendergasse. Улица эта в советское время сначала получила имя Троцкого, потом была переименована в Первомайскую. В здании же фабрики в советское время размещалась вязальная фабрика имени Клары Цеткин, ныне – частная фабрика «Евразия».

В 1896 году Бендер арендовал для нужд своего товарищества в Саратове первый этаж большого здания, стоявшего на углу улиц Никольской и Царицынской (нынешних Радищева и Первомайской). Спустя некоторое время он выкупил дом полностью, разместив в нём магазины и контору своей фирмы. В 1913 году Бендер начал реконструкцию фасада здания, пригласив для этого известных саратовских архитекторов, скульпторов и других специалистов. К 1915 году дом обрёл тот великолепный вид, который почти без изменений сохранился до наших дней. В первые годы советской власти в этом доме, у Бендеров реквизированном, размещался Саратовский губернский комитет партии, а ныне в нём – городская мэрия.

В Бальцере Бендер тоже построил себе усадьбу в самом центре города. Это был большой одноэтажный дом из двухцветного кирпича, при нём – необходимые хозяйственные постройки. Сам Андрей Иванович, живя в Саратове, приезжал сюда не часто – на праздники или по производственной надобности. В доме тогда жил с семьёй его старший сын Андрей Андреевич, который управлял всеми бальцерскими заведениями фирмы. После октябрьского переворота в доме Бендера размещался ревком, потом долго, до 60-х годов, располагался райком партии. Потом большую часть территории бывшей усадьбы снесли и построили там нынешний Дворец Культуры. Но главный дом Бендеров жив и поныне и смотрит своими большими окнами на Первомайскую улицу.

В давно прошедшем времени рассказали мне в Красноармейске одну историю – то ли была, то ли байку. У Андрея Андреевича Бендера был сын Роберт. Каким-то образом он, юноша из буржуазной семьи, оказался в добровольческом отряде, сформированном в Бальцере в январе 1919 года и отправленном под командой Ф.Виганда в левобережное село Варенбург на подавление вспыхнувшего крестьянского восстания. В бою 8 человек из них были убиты, в том числе Бендер. Тела убитых были привезены в Бальцер и похоронены в братской могиле. У Роберта Бендера была невеста, звали её Анна Мария Рохель. Юная невеста, безумно любившая своего жениха, не смогла вынести его смерти, тяжело заболела и умерла. Родители жениха, тоже очень любившие невесту сына, поставил на её могиле богатый памятник из чёрного мрамора. Памятник этот пережил все невзгоды, и ещё несколько лет назад при посещении Красноармейска я видел его стоящим на старом кладбище.

Сегодня я могу уже почти определённо сказать, что история эта не была, а легенда. И вот почему. Во-первых, у Бендеров в 1918 году новая власть уже отняла если не всё, то многое. Как после этого их сын мог пойти в карательный отряд? Это же немыслимо. Да его бы туда и не взяли: он же «буржуй». Значит, это был какой-то другой Бендер. Второе. Надпись на памятнике гласит: «Анна Мария Рохель (7 сентября 1899 года – 8 ноября 1918 года)». Значит, девушка умерла до того, как погиб Роберт Бендер, и трогательная история о её смерти от тоски – плод фантазии.

А тела погибших в Варенбурге позже перенесли в церковный сквер, там же похоронили и некоторых других погибших красногвардейцев, поставили на могиле памятник и написали их

имена. Потом, в годы Великой отечественной войны, памятник этот то ли снесли, то ли сожгли. И уже значительно позже, в 1965 году на могиле поставили новый памятник по проекту саратовского скульптора Эпова. Но уже без каких-либо фамилий. Мне удалось восстановить часть из них. Вот они: Ф.Виганд, Александр Май, Карл Шмидт, Фридрих Беккер, Роберт Бендер, Давид Роор, Александр Бельц, Андрей Фельде – это те восемь; Ваг, А.Рольман, А.Гитт, Мартель, И.Суппес, Д.Бергер – это из тех, что были подхоронены позже. Я сравнил эти фамилии со списком первопоселенцев, увидел совпадения только в двух фамилиях (Май и Бендер) и понял, что большинство из захороненных в братской могиле не были коренными жителями города или вообще прибыли из других населённых пунктов недавно созданного большого Бальцерского уезда.

Теперь – о красильнях. Самой простой и самой дешёвой была сарпинка небелёная и некрашеная. Она пользовалась спросом у людей с невысоким уровнем дохода и применялась для пошива повседневной одежды. Однако даже небогатые люди, а уж тем более публика обеспеченная, хотели иметь одежду более нарядную, более привлекательную. Первые – для нарядов праздничных, а вторые – и для вещей повседневных.

Как сделать ткань наряднее, мастерам было известно. Самый простой способ – отбеливание. От него сарпинка на самом деле становилась белее, но несколько теряла в прочности. Более сложный способ улучшения вида ткани – окрашивание. Красить могли уже готовую ткань, после чего она шла на пошив однотонных изделий. Но для выделки полосатых, клетчатых и со сложным рисунком тканей требовалась пряжа, предварительно окрашенная. Процесс этот был сложным, и продукция, естественно, была более дорогой.

Понятно, что развитие ткачества в Бальцере сразу же привело к организации красильных заведений. Первые красильни появились в 1832 году, их владельцами были Шпет, Борель, Бендер, Фольц и Швабауэр. Число их быстро увеличивалось и вскоре достигло 11 единиц. Особенно в этом преуспели Бендер и Фольц, организовав по нескольку заведений.

Как и в кожевенном производстве, отходы производства стали сливать в тот же ручей, приток Голого Карамыша, и он стал ещё более грязным и ещё более вонючим. С прискорбием приходится констатировать, что точно так же от отходов избавлялись и через 100 с лишним лет – никакого прогресса здесь не наблюдалось.

В 1860 году Генрих (Андрей Васильевич) Бауэр организовал в Бальцере мастерскую по производству земледельческих орудий. Статистика свидетельствует, что в 1884 году в мастерской Бауэра была вагранка, 2 небольшие плавильные печи, 3 кузнечных горна, 4 токарных станка. В движение станки приводились от конного привода. Со временем Бауэр освоил изготовление пожарных насосов, чугунного ширпотреба.

Известностью в городе пользовался и местный фабрикант Генрих Магель, владелец вязальных заведений (предки его, как и предки Бендера, были в числе основателей колонии). В 1918 году он сумел эмигрировать в Германию, там он стал одним из руководителей союза "Wolgadeutsche" («Поволжские немцы»).

У А.Н. Минха, известного саратовского учёного-краеоведа, в его 4-томном труде «Историко-географический словарь Саратовской губернии» есть трехстраничная статья о Голем Карамыше. Прочитую лишь небольшой отрывок:

«По земской переписи 1886 года в Голем Карамыше считалось наличных: 695 домохозяев, 5760 душ обоего пола, кроме того 157 семей постоянно отсутствующих; грамотных 1711 мужчин и 1673 женщины. Всех жилых изб 695, из них 576 каменных, 118 деревянных и 1 мазанковая; крытых железом – 26, тёсом – 154, соломой – 515. Промышленных заведений – 93, кабаков и трактиров – 10, лавок – 62. У поселян считалось 360 плугов, 60 веялок. Скота: лошадей – 1473, коров и телят – 1638, овец – 1344, свиней – 1072, коз – 670. Всех платежей и повинностей в 1885 году причиталось с общества 15272 рубля».

Бросается в глаза число плугов – лишь чуть больше, чем у половины населения. Надо полагать, что те, у кого плугов не было, земледелием уже не занимались. Это свидетельствует и о нехватке земли, и о появившейся у части населения уверенности в том, что свою энергию гораздо выгоднее направить в промышленную отрасль, нежели в земледелие. И соломенных крыш не случайно ещё так много: денег на крышу деревянную, а уж тем более на железную, у большинства ещё нет.

Здесь же у Минха приводятся сведения о населении колонии за 1894 год: 765 дворов и 9108 жителей. За 8 лет численность населения увеличилась более чем на 3 тысячи человек. Даже если в числе 5760 жителей 1886 года не учтена численность народа в постоянно отсутствующих 157 семьях (пусть это по максимуму будет 1000 человек), и они к 1894 году все возвратились назад, всё равно рост населения составляет более двух тысяч человек. Надо признать, что это форменный демографический бум, объяснение которому следует искать, во-первых, в постоянном улучшении условий жизни населения, а во-вторых, в притоке наёмных рабочих, в первую очередь – ткачей, со стороны. Соломенных крыш стало не намного меньше, но количество деревянных и железных увеличилось – ведь в городе стало на 70 домов больше.

И современники тех лет, и более поздние исследователи едины были в оценке характера развития той части правобережных колоний, которые принадлежали к Бальцерской округе. Округа эта: сам Бальцер, Норка, Гукк, Гримм, Денгоф, Байдек, Шиллинг, Антон, Мессер – была явно благополучнее и немецких колоний левобережья, и русских сёл, расположенных по соседству. Это касалось и состоятельности жителей, и внешнего вида населённых пунктов, и уровня развития промышленности, и выхода немецких предпринимателей на губернский уровень.

Это не могло быть случайно. Некоторые, правда, говорили, что во всём виновата была сарпинка. Но вряд ли возможно объяснить этот своего рода феномен обстоятельствами, побудившими жителей этих колоний заняться ткацким делом и сложившейся потом благоприятной конъюнктурой по сбыту

сарпинки, что в силу своей большей эффективности привело в конечном итоге к переориентации населения с сельскохозяйственного производства на производство промышленное или кустарное. Но ведь и в других местах складывались похожие обстоятельства, но ими почему-то не воспользовались.

Скорее всего, дело не в обстоятельствах, а в людях, в человеческом факторе, как принято говорить сегодня. Так в чём же была особенность людей бальцерской округи?

Специалисты утверждают, что особенность их – в протестантской трудовой этике.

Для любознательных: протестантская трудовая этика

Протестантская трудовая этика, – говорят эти самые специалисты, – это религиозно обоснованная доктрина о добродетельности труда, о необходимости работать добросовестно и усердно. Проще говоря, в протестантской среде труд является не просто средством производства материальных благ, а есть форма служения Богу, служения обязательного для каждого верующего, причём служения усердного, служения добросовестного. В этой среде руководствуются не формулой «Кто не работает, тот не ест», а формулой «Кто не работает, тот злостно нарушает Божьи заповеди».

Термин «Протестантская трудовая этика» ввёл в оборот немецкий социолог и философ Макс Вебер в 1905 году. Он обратил внимание на то, что в Германии, которая почти в равных мерах была населена как католиками, так и протестантами, наилучших успехов в жизни добивались именно протестанты. Да и среди предпринимателей и технических специалистов представители протестантских конфессий были в преобладающем большинстве. Он же обратил внимание на то, что капиталисты так называемого традиционного общества (читай: католики), достигнув некоторого успеха, стремились по возможности уменьшить собственные трудовые усилия: поручали свой бизнес управляющим, а сами вели роскошный, расточительный образ жизни на манер средневековых князей. В то же время предприниматели-протестанты, не в пример тем, вели коммерцию не ради увеличения личного потребления, а в качестве добродетельского вида деятельности, при этом им, как правило, была чужда показная роскошь или упоение властью.

Зная такое, не приходится удивляться тому, что простые прихожане-протестанты, искренне приверженные догматам своей веры, не только истово трудились на своём поле и в своей мастерской, но и требовали этого от всех членов своей семьи. Дети начинали работать по хозяйству с малых лет, старики трудились до смертного часа.

Здесь самое время обратить внимание ещё на одну особенность колонистов бальцерской округи. Большинство из них по вере своей были реформатами-кальвинистами. Вероучение этого протестантского течения было более аскетическим, более требовательным к своим приверженцам, чем лютеранство. При этом богословский вопрос о спасении трактовался там в такой особой форме, что побуждал практически каждого верующего стремиться к достижению видимых успехов в земной жизни, ибо именно они, эти успехи, вроде бы свидетельствовали о том, что он, этот человек, предопределён Господом на спасение от вечных мук ада.

Ну что ж, возможно, что это и так. Во всяком случае, бальцерские реформаты своей практической деятельностью только подтверждают теорию. Да это и понятно. В жизни людей в дореволюционной России церковь, в первую очередь православная, играла огромную роль. Это в не меньшей степени относилось и к немецким колониям, хотя в них духовная жизнь населения строилась на принципах, отличных от православия. Но и сами немцы, прибывшие в Поволжье в XVIII веке, не были едины в своих верованиях; в большинстве своём они были, как уже говорилось, или католиками, или

лютеранами, или реформатами. Однако было среди первых поселенцев и небольшое число баптистов, на реке Сарпе обосновалась община гернгутеров, а позже, уже в XIX веке, в Поволжье прибыли и меннониты.

Манифестом Императрицы от 22 июля 1763 года всем переселенцам гарантировалась свобода вероисповедания. В развитие этой гарантии 19 марта 1764 года был издан закон, согласно которому переселенцев одной веры требовалось селить в один округ. И хотя по российской привычке не всё было исполнено так, как закон этого требовал, но всё-таки принцип в основном соблюдался. Законом же было установлено, что основой церковной структуры должен являться приход, в состав которого могло входить несколько населённых пунктов, а ячейками прихода становились сельские церковные общины во главе с церковными старостами. Эти сложности были связаны с большой нехваткой имевших право на службу пасторов, так что приходилось довольствоваться наличием хотя бы одного пастора на приход. Всего в более чем ста колониях было создано 19 приходов: 9 лютеранских, 7 католических и 3 реформатских.

На первых порах в колониях для церковной службы были открыты молитвенные дома, кое-где уже вскоре появились и настоящие церкви. К концу XVIII века в немецком Поволжье действовали 59 лютеранских, 33 католических и 23 реформатских церкви и молитвенных дома.

На Правобережье, в бальцерской округе, было создано 2 реформатских прихода (третий такой приход был в Екатериненштадте). Центром одного стала Норка, самая дальняя колония. Кроме неё в этот приход включен был только Гукк, расположенный десятью верстами южнее. Мессер стал центром другого прихода, в составе которого были ещё общины Антона, Куттера и Моора.

Бальцерская реформатская община не вошла ни в один из этих приходов, предпочтя остаться самостоятельной. Поначалу службы велись просто в частном доме. В 1777 году на Langegasse (Длинной улице, нынешней Ленина) была построена первая церковь. Была она деревянной, простояла до 1815 года и была на том же месте заменена другой, тоже деревянной, но более вместительной. В 1849 году опять там же началось строительство новой, теперь уже кирпичной, церкви. Проект её был разработан архитектором А.К. Кавосом и утверждён Саратовской конторой опекунства иностранных поселенцев. Это было монументальное сооружение с высокой колокольней, с колоннами в стиле позднего классицизма и вместительным внутренним пространством – только сидячих мест было 1350. На колокольне было установлено 3 колокола с очень мелодичным звоном. Возглавлял стройку саратовский мастер Гутков, курировал её сам автор проекта. Работы были завершены в 1851 году.

Рядом с церковью, на другой стороне улицы, был построен из кирпича большой двухэтажный молитвенный дом (Bethaus), предназначенный для служб в зимний период, к нему примыкал дом, в котором жил пастор. Молитвенный дом жив и поныне, а кирхи давно нет. В 1935 году её закрыли, потом разрушили до основания, и только через два десятка лет на мощном её фундаменте был сооружён кинотеатр «Октябрь».

Вернёмся к процитированному чуть выше отрывку из «Историко-географического словаря» А.Н. Минха, где он говорит о Бальцере. Там находим мы сведения, что в Бальцере в 1886 году из 5760 жителей было грамотных 3384 человека: 1711 мужчин и 1673 женщины. Не трудно понять, что это практически всё взрослое (старше 14 лет) население колонии. Для того времени по сравнению с русскими сёлами, да и некоторыми немецкими, уровень очень высокий. С чем это связано?

Для любознательных: школа и церковь

Известно, что начальное образование народа практически во всех христианских странах в то время было в руках церкви, имевшей в своём ведении церковно-приходские школы. Но если в православной и католической конфессиях обязанность нести слово Божие в народ целиком возлагалась на пастырей, а сам народ был только слушателем (а для этого не обязательно знать грамоту), то в протестантских течениях каждый верующий должен был иметь возможность не только из уст пастора, но и самостоятельно постигать религиозную премудрость. Как это можно было сделать? Ответ один: только читая Библию (перевод её с латинского на немецкий язык сделал ещё Лютер в 1521 году). А раз так, то каждый верующий должен был уметь читать и должен был иметь Библию – хотя бы одну на семью. Вот поэтому в лютеранских и реформатских немецких колониях все дети без исключения – и мальчики, и девочки от 7 до 14 лет – обязаны были посещать школу. Школа эта была связана с церковным бытом общины, которая выделяла средства на её содержание и в какой-то мере влияла на внутренний распорядок школы. Основным предметом там были основы религиозного учения, вторым было чтение – опять-таки по Библии. Естественно, что заодно учили и письму, и элементарному счёту.

Учителями в церковно-приходских школах были или помощники пасторов – кюстеры, или нанятые учителя – шультмайстеры, нередко это приходилось делать и самим пасторам. Это было трудное дело. В одной громадной комнате одновременно находилось несколько сот детей обоего пола разных лет обучения (в среднем на одного учителя приходилось 350 учащихся, но отмечены случаи, когда их число доходило до 800). Уроженец Шиллинга (Сосновки) Петер Зиннер вот так описал школу, в которой ему самому пришлось учиться:

«Большое помещение школы было наполнено детьми. Около 600, на одной половине – мальчики, на другой – девочки. Шум неопишувемый! Но когда входил строгий человек с длинной палкой, все становились тише воды, ниже травы. После молитвы он быстро опрашивал самых старших учеников. Было слышно только: «Садись!», «Вон!» Тому, кто хорошо вы зубрил изречение из Библии или слова песен, разрешалось идти в младшие группы, изучающие Ветхий и Новый Завет, Катехизис, алфавит, и опрашивать их. Того, кто не мог отбарабанить своё задание, воспитатель выгонял вон. У алтаря стояла скамья, рядом – охапка берёзовых прутьев. «Неумех» укладывали поперёк лавки и секли. Такова была старая школа».

Можно, конечно, и посмеяться, и позлословить по поводу этой «старой школы», но даже неискущённому человеку не может не быть ясно, как тяжело в этих условиях приходилось этому «строгому человеку с длинной палкой». Понятно, что в таких условиях добиться результата было очень трудно, а точнее сказать – невозможно.

Бальцерская общинная школа находилась недалеко от церкви, в центре города. Это было длинное одноэтажное здание под железной крышей с 10 выходящими на главную улицу окнами. В тридцатых годах в её помещениях располагался медицинский техникум, в военное время – фельдшеро-акушерское училище, после войны – детская больница. В шестидесятых годах строения школы снесли и на этом месте возвели здание районной администрации.

К началу 1917 года в Бальцере работало 26 сарпиноткацких заведений, крупное производство по изготовлению чулок и вязальных изделий, 24 кожевенных мастерских, 15 красилен, заводик по выпуску «постного» масла. Кроме того, функционировала основанная Бауэром фабрика (мастерская) по производству сельскохозяйственных орудий и колёс. Сколько было тогда надомников-ткачей и других ремесленников-одиночек, установить уже практически невозможно. Одно можно сказать: их было немало.

На горизонте уже были революции, в корне изменившие весь уклад жизни народов России. Немецкое население Поволжья не стало исключением, для него началась новая история, кровавая, опустошительная, полная несправедливости и унижений.

В ходе гражданской войны традиционные бальцерские производства сильно пострадали. Возродиться они начали только в середине двадцатых годов. На основе бендеровских, магелевских и других предприятий после их восстановления, укрупнения и кое-какой реконструкции были открыты прядильно-ткацкая фабрика, получившая имя Карла Либкнехта, вязальная фабрика имени Клары Цеткин, ткацкая фабрика «Цукунфт»; был организован «Каракомбинат» – комплексный трест, включивший в себя металлообрабатывающую, кожевенную и силикатную промышленность Бальцерского, Каменского и Золотовского кантонов (просуществовал он, правда, недолго и был расформирован, а входившие в него предприятия распределены по разным ведомствам). Фабрика сельскохозяйственных орудий превратилась в ремонтно-механический завод «Арбайтер», продолжили работу в разное время запущенные объединённый кирпичный завод и немалое число промысловых, ткацких и вязальных артелей.

Надо сказать, что за годы, прошедшие от объявления Бальцера городом и до его ликвидации как немецкого города с началом войны, он так и не сумел преодолеть своей двойственной сущности по облику и содержанию и продолжал оставаться чем-то средним между городом и селом. С одной стороны, значительная численность населения (16,3 тысячи по переписи 1939-го года), широкие прямые улицы, наличие некоторого числа двухэтажных кирпичных зданий, центральная площадь (до 1932-го года на ней стояла внушительная кирха), солидный уровень промышленности – это явные городские признаки. С другой стороны, почти не освещённые и не имеющие твёрдого покрытия улицы (булыжником замощены были только Первомайская, частично Большая Ленинская и Интернациональная улицы), подсобное хозяйство почти в каждом подворье, отсутствие водопровода и канализации. Впрочем, очень многие города СССР имели именно такой облик.

Если пренебречь незначительным грузо-пассажирским потоком, шедшим по грейдеру Саратов – Царицын (Сталинград), то единственной транспортной артерией, связывавшей город с внешним миром, была Волга. Пристань находилась в Ахмате, до которого – 18 километров; город с пристанью были

соединены единственной в округе дорогой с твёрдым покрытием (из булыжника, да и то не на всём протяжении).

Железная дорога Саратов – Сталинград прошла в стороне от города; это было в 1942-ом году, уже после выселения немцев. До ближайшей железнодорожной станции Карамыш (это рядом с Мессером) оказалось 12 километров.

До 1941-го года в городе имелось 7 школ: 2 начальные, 3 семилетние, 2 средние, причём 4 из них были русско-немецкими, 3 – чисто немецкими. Были ещё фельдшерско-акушерская школа, филиал Саратовского текстильного техникума и 2 школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). После депортации немцев школы были закрыты и, кроме одной, открывшейся в сентябре 1942-го года, возобновили свою работу лишь осенью 1943-го года, да и то не все, а только 4 из них.

В немецком Бальцере действовал колхозно-совхозный театр (один из двух в АССР НП), размещался он в двухэтажном кирпичном здании, отобранном у лютеранской церкви и превращённом в Дом культуры. Был и кинотеатр, который и после войны там функционировал, пока в середине 50-х годов на фундаменте лютеранской церкви не возвели новый под названием «Октябрь».

В Бальцере издавали 2 газеты, одну на русском языке, другую на немецком, и назывались они одинаково – «Ленинский путь» и «Lenins Weg».

* * *

Размеренный бюргерско-бауэрский уклад жизни не является той средой, в которой рождались бы дерзкие характеры, острые умы и парадоксальные мыслители. Но люди способные и даже очень способные рождаются в любой среде. Бальцер здесь не является исключением.

Выходцами из Бальцера были широко известные в Поволжье предприниматели Борели. Георг Борель прибыл из Баден-Бадена в 1766-ом году. Его правнук Иоганн Борель в 40-х годах XIX века начал активную посредническо-спекулятивную деятельность с сарпинкой, потом перешёл на зерно. Сколотив таким образом первоначальный капитал, он взялся за мукомольное производство. В 1866-ом году он приобрёл в Саратове у купца Уварова большую водяную мельницу. Возмужавший сын его Эммануил (1837-1905 г.г.) активно подключился к делу отца. В 1876-ом году отец и сын построили в Саратове вторую паровую мельницу (первую соорудил немецкий предприниматель Д. Зайферт в 1865-ом году). Потом была пущена в эксплуатацию ещё одна борелевская мельница.

Возглавивший дело после смерти отца Э.И. Борель в 1982-ом году учредил торговый дом «Борель и сыновья». В 1905-ом году фирму унаследовал его сын Эммануил Эммануилович.

Пшеничная мука с борелевских мельниц сбывалась не только в Поволжье, но и на биржах многих других городов, в том числе Москвы, Петербурга, Хельсинки, Баку.

В 1913-ом году имущество торгового дома Бореля (вместе с его личным капиталом) оценивалось более чем в 11 миллионов рублей, что по тому времени было очень крупным состоянием. Достаточно сказать, что Э. Борелю, кроме нескольких его мельниц, принадлежало 30 тысяч гектаров посевных земель и леса, 2 цементных завода, элеваторы, амбары, торговые склады, заведения по производству лекарственных трав, лесопилка и другие производства.

После октябрьского переворота имущество фирмы было национализировано, частично разграблено. Сам владелец со своей семьёй эмигрировал в Германию.

В Бальцере в 1870-ом году родился и провёл раннее детство известный в своё время талантливый художник Яков Яковлевич Вебер.

В Бальцере (хотя не исключено, что в Денгофе) в 1894-ом году родился поэт и педагог Александр Вюртц (поэтический псевдоним – Александр Волгарь). О его жизни сохранилось мало сведений.

Некоторое отношение к Бальцеру имел профессор Вальдемар Фридрихович Альтергот. Родился он в Саратове в 1904-ом году, но мать его была бальцерской уроженкой. С1919-го по 1926-ой годы Альтергот жил у деда в Бальцере, учился тут в школе-девятилетке. Последний класс школы он заканчивал в Саратове, в немецкой школе-девятилетке, что открыта была в части помещений бывшей мужской гимназии №1, дававшей выпускникам право преподавания в начальных классах немецких школ. После её окончания Альтергот один год учительствовал в Мессерской школе, а потом поступил на естественное отделение Саратовского университета. После его окончания в 1931-ом году он работал преподавателем в Энгельском пединституте и одновременно учился в университетской аспирантуре у профессора К.Г. Сухорукова и академика А.А. Рихтера. В1936-ом году он защитил кандидатскую диссертацию и до 1941-го года в университете.

В 1941-ом году Альтергот вместе с семьёй был депортирован в Акмолинскую область, а в январе 1942-го года отправлен в трудовую армию, на «Бакалстрой». После войны он работал там же, в Челябинске, на биохимическом заводе.

К научной деятельности Альтергот возвратился только а 1957-ом году. Он уехал в Новосибирск, и там в короткий срок (в Сибирском филиале Академии наук СССР) стал и доктором биологических наук, и профессором. Ведя научные исследования по обширной тематике, он вскоре стал одним из наиболее авторитетных специалистов в области физиологии растений.

Умер В.Ф. Альтергот в 1981-ом году, похоронен в Новосибирске.

Бальцерское происхождение имеет и известная медицинская династия Грасмиков. Её родоначальником был Александр Людвигович Грасмик (1869-1920 годы). Его предок, Иоганнес Якоб Грасмик, прибыл в только что заложенный

Бальцер в 1766-ом году из гессенского города Рорбаха вместе со своей женой Иоганной Элизабет, урождённой Май. А.Л. Грасмик закончил Дерптский университет. В 1898-ом году он и доктор Букхольц на свои средства построили в Саратове больницу для бедных. А.Л. Грасмик был врачом широкого профиля: хирургом, гинекологом, терапевтом.

Известным врачом и таким же, как отец, специалистом широкого профиля стал и сын А.Л. Грасмика Теодор (1896-1974 годы), заслуживший широкую известность в АССР НП, а в 1944-ом году далеко не по собственной воле оказавшийся в Нижнем Тагиле

Сыновья Т.А. Грасмика Герхард и Арно оба окончили Новосибирский медицинский институт, возвратились в Нижний Тагил; они тоже хирурги, кандидаты медицинских наук. И их сыновья (мне известны Александр и Сергей, они учились в институте вместе с моей старшей дочерью) после окончания в 1980-ом году Свердловского медицинского института тоже стали работать хирургами в Нижнем Тагиле. Стали врачами и их младшие братья.

Конечно, Борелями, Бендерами, Вебером, Вюртцем и Альтерготом вряд ли исчерпывается список бальцерских знаменитостей, но многие годы гонений на российских немцев и политика умолчания обо всём, что связано было с ними, сделали своё дело: имена многих достойных отечественной славы их представителей растворились в неизвестности.

Вот совсем недавно случилось узнать, что с Бальцером, пусть совсем недолго, но была связана жизнь Роберта Кляйна, капитана Красной армии, партизана в годы войны 1941-45-го годов. Он родился в 1913-ом году неподалёку от Бальцера, в немецком селе Мюллер. После семилетней школы он поступил в Энгельсе на авто-тракторное отделение сельскохозяйственного техникума, после окончания которого в 1931-ом приехал в Бальцер. Здесь он стал работать механиком в местной МТС, но в 1932-ом году был призван в армию и больше ни в довоенный Бальцер, ни в послевоенный Красноармейск не возвращался. Во время войны Роберт Кляйн был и в подполье, и в партизанской бригаде. «За мужество и героизм», как сказано в указе, в январе 1944-го года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

После выхода в свет указа от 28-го августа 1941-го года немецкое население Бальцера разделило судьбу всего немецкого народа страны.

Сразу же после выселения немцев в город хлынули беженцы из Украины, Белоруссии и западных областей России. Чтобы хоть как-то перезимовать (а зима 1941-го года была ранняя и очень холодная), на топливо вырубали все сады и палисадники, в печку пошли заборы, а то и надворные постройки, крыши, полы, оконные рамы незанятых домов.

Со временем и стены этих домов были разрушены, обвалились погреба, всё заросло бурьяном. В прежних границах город сумел восстановиться только к

шестидесятым годам, да и то большей частью за счёт сёл как самого Красноармейского района, так и района Золотовского, откуда жители, которым, наконец, выдали паспорта, хлынули в город, зачастую вместе со своими деревянными домами.

Но это был уже совсем другой город, другой и по сути своей, и по названию.

По переписи населения 1959-го года число жителей города Красноармейска составило 18 тысяч человек.

* * *

Первые три немецких поселения в бальцерской округе, получившие названия Антон, Байдек и Шиллинг, были основаны в 1764-ом году.

В 1765-66-ом годах появились колонии Бальцер, Гримм, Моор, Денгоф, Мессер, Бауэр, Куттер, Гукк и Норка.

Колонисты были выходцами из различных германских земель: Гессена, Пфальца, Вюртемберга, Бадена; в связи с этим в колониях утвердилось несколько диалектов немецкого языка. При этом небезынтересно отметить, что говор жителей в соседних русских сёлах тоже отличался один от другого: в Ахмате сильно окали, в соседнем Мордовом акали и говорили «чё» вместо «что» и «чего», в Бобровке вместо «ч» говорили «щ» («Пощём луцок?» – дразнили их), в Старой Топовке тоже акали, но половина из них ещё и якала. Так что сборным в этих местах оказалось не только немецкое, но и русское население.

Немецкие сёла располагались одно от другого или от русских сёл на расстоянии 9-12 вёрст. Численность первых поселенцев в каждом из них была примерно одинакова: 70-90 семей, количество и качество выделенных земель – так же; разве что Норка составляла некоторое исключение.

Перепись населения, произведённая в 1788-ом году, дала такую картину: самая крупная колония – Норка с 1378 жителями, потом следовали Гримм – 922, Денгоф – 711, Бальцер – 700, Мессер и Шиллинг – по 580. Окружными центрами тогда были Шиллинг и Норка. Через 100 с лишним лет, по переписи 1894-го года, оказалось, что Норка по-прежнему самая крупная колония с населением 10500 человек, дальше шли Гримм – 9260, Бальцер – 9100, Гукк – 7350, Денгоф – 6240, Мессер – 6100, Байдек – 5970, Шиллинг – 3850 человек. И вот, наконец, результаты последней переписи населения, произведённой в царской России, в 1912-ом году. И по ней Норка оставалась самой крупной колонией – 14240 жителей. За ней следовали: Гримм – 11800 человек, Бальцер – 11500, Гукк – 9600, Денгоф – 8350, Байдек – 7050, Моор – 5700, Куттер – 4200, Шиллинг – 3570 и Антон – 3100. Волостными центрами были Шиллинг, Гримм и Норка, по русским сёлам – Старая Топовка и Ахмат. Всего же на территории нынешнего Красноармейского района, объединившего три кантона Немреспублики: Бальцерский, Каменский и Золотовский – проживало около 150 тысяч человек.

* * *

Норка. На протяжении многих лет, до самого 1917-го года, была она не только самой многочисленной по населению, но и самой богатой колонией в округе. Получилось когда-то так, что ей, самой удалённой и от Волги, и от других сёл, немецких и русских, досталось земель больше, чем другим.

Уже в начале 19-го века стало очевидно, что эта колония собирает зерна больше, чем собиралось в других сёлах, будь они немецкими или русскими. Очевидно стало и то, что достигалось это не столько за счёт несколько больших, чем у других, земельных угодий, а сколько за счёт большей урожайности с десятины, что было следствием более высокой культуры земледелия.

Постоянные излишки зерна в колонии послужили толчком для выделения из числа её жителей целой группы колонистов повышенной активности, которые основной своей профессией сделали не земледелие, а торгово- посредническую деятельность. Они скупали зерно и у своих односельчан, и в соседних сёлах, потом перепродавали его или на ярмарках крупным оптовым торговцам, или непосредственно предпринимателям-мукомолам, в основном саратовским.

Довольно быстро разбогатев, они построили вместительные зернохранилища, и имели после этого возможность реализовывать свои запасы зерна тогда, когда цена на него достаточно поднималась. Происходило это зимой, как раз тогда, когда свободны от полевых работ были и односельчане, и их рабочие лошади. Обозы формировались большие – по 50-70 саней. Услугами посредников из Норки пользовались известные саратовские мукомолы-немцы: Ф. Райнеке, Д.Зайферт, Э. Борель, братья Шмидты.

Как-то так получилось, что Норка прославилась не только достижениями в земледелии, но и некоторыми своими пасторами, личностями далеко не ординарными.

Роль церкви в жизни дореволюционной России нельзя недооценивать; особенно высока она была в сельской местности, где священнослужители своим авторитетом могли обеспечить не только высокий нравственный уровень своих прихожан, но и могли благотворно влиять на культурно и хозяйственный уровень их жизни. Норка – один из примеров тому.

Первым пастором в Норке был Иоганн Георг Гервиг (1714-1782 годы). Он родился в саксонском городе Ауэ, закончил теологический факультет Марбургского университета. В 1767-ом году он прибыл в Россию вместе с колонистами, около двух лет возглавлял приход в Екатериненштадте. В 1769-ом году он был переведён в Норку и до конца жизни прослужил здесь пастором. Он построил первую (деревянную) церковь, открыл приходскую школу, в которой сам был и учителем. Своим чутким отношением к прихожанам, готовностью всегда помочь, с одной стороны, и бескомпромиссностью в вопросах веры и нравственности, с другой стороны, он заслужил искреннее уважение своей паствы, и это уважение сохранил до конца дней своих.

Через полтора года после смерти Гервига в норкинский приход прибыл новый пастор. Им был Иоганн Батиста Каттанео (1746-1831 годы), уроженец Швейцарии. Образование он получил на теологическом факультете Цюрихского университета и после этого 18 лет служил на родине в одном из приходо́в.

В 1784-ом году по приглашению общины он прибыл в Норку, прибыл основательно – с семьёй, в которой было шестеро детей, и как потом оказалось, прибыл надолго. Пасторов в округе не хватало, и какое-то время он обслуживал общины и Гука, и Мессера, и Бауэра.

Каттанео был не только священником, но и врачом, и агрономом. От болезней он пользовал своих пациентов и как терапевт, и как хирург, а иногда и как акушер. Всем своим авторитетом – и личным, и церковным – старался он внедрить в практику свои знания по агрономии, способствовал развитию в Норке (да и в других колониях) огородничества, садоводства и пчеловодства. Именно ему, его знаниям в агротехнике и его настойчивости обязаны были крестьяне из Норки более солидными, чем у соседей, урожаями зерновых культур и более высоким, чем у других, уровнем жизни.

В Норке Каттанео прослужил 47 лет, а в целом пасторский стаж составил 65 лет. Он оставил после себя записки-воспоминания, которые долгое время хранились в лютеранско-евангелической консистории в Саратове и были опубликованы пастором И. Эрбесом в США только в 1925-ом году.

Значительный след в истории колонии оставил и пастор Кристофер Генрих Бонвеч (1804-1876 годы). Родился он в Вюртемберге в городе Метцингене. Получив теологическое образование, он уехал в Россию и почти 20 лет исполнял службу в немецких приходах Тифлисской губернии.

В 1845-ом году он прибыл в Норку, и она стала его духовным прибежищем на три десятка лет. Человек широко образованный, он следовал пути, проложенным пастором Каттанео; как и он, был пастор Бонвеч не только священнослужителем, но и лекарем, и учителем, и агрономом. Надо сказать, что эта многофункциональность протестантских пасторов вкупе с их высоким нравственным, почти аскетическим образом жизни, была той путеводной звездой, которой следовали их прихожане, когда вставал перед ними вопрос – как много лет позже сформулировал В.Маяковский – «делать бы жизнь с кого».

Оставили о себе память и потомки Генриха Бонвеча. Один его сын, Натаниэль (1848-1925 годы), тоже был сначала пастором (он получил образование в Дерптском университете), потом уехал в Германию и стал там профессором Геттингенского университета. Он оставил после себя записки «Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga», послужившие основой для исторического исследования о немецких колониях на Волге, выполненного его сыном Герхардом Бонвечем, профессором Ганноверского университета.

Ещё один сын Генриха Бонвеча, Самюэль (1832-1914 годы), тоже был лютеранским пастором сначала в Поволжье, потом в Курске.

Известен также пастор Эмилий Бонвеч (1861-1928 годы), сын Самюэля, а также Герберт Эмильевич Бонвеч (1894-1960 годы), доктор наук, специалист в области органической химии.

Уроженцем Норки был Александр Клаус (1829-1887 годы), сын местного кюстера (помощника пастора). Он закончил Саратовскую гимназию и после этого сначала был служащим Саратовской конторы иностранных поселенцев, затем в Петербурге - чиновником Министерства двора и госуделов, позднее – вице-директором одного из департаментов Министерства транспорта. При этом он активно занимался научно-исследовательской и литературной деятельностью. Он автор книги «Наши колонии», серьёзного и обширного труда о жизни поволжских немцев.

Пастором в Норке в период с 1912-го по 1925-й годы был ещё один известный лютеранский деятель – Фридрих Ваккер (1886-1938 годы). Он родился в Камышине, в 1912-ом году закончил теологический факультет Юрьевского (Дерптского) университета. Во время голода 1921-22 годов он занимался распределением по сёлам Бальцерского уезда продовольствия, поставляемого Национальным лютеранским советом России. В 1925-м году его перевели в Ленинград преподавателем в лютеранскую семинарию, и работал он там до её закрытия властями. В 1930-ом году он был арестован органами ОГПУ по обвинению в «контрреволюционной деятельности», осуждён на 3 года и отбыл этот срок в лагере специального назначения в Иркутской области. При освобождении ему было официально объявлено, что он лишён права заниматься проповеднической деятельностью. Предписания этого пастор Ваккер выполнять не стал, и в 1937 году был вторично арестован и через год погиб в лагере.

* * *

Достопримечательностями большого села Гримм были Центральная школа, чугунолитейный завод и особая веялка, получившая название «веялка-колонистка».

Открытие так называемой Центральной школы в Гримме связано с именем местного пастора Карла Фридриха Георга Конради (1794-1857 годы).

Он родился в Моравии, образование получил в университетах Вены и Ростка. В 1820-ом году он прибыл в Россию и был направлен пастором в Гримм. Это был человек творческой и ищущей натуры. Он предложил проект школьного учебника, выступал с программами реформирования приходских школ, в частности, ратовал за включение в программы изучения русского языка, который не преподавался ни в одной немецкой приходской школе Поволжья. Он же выдвинул проект организации пяти окружных школ с семилетним сроком обучения, выпускники которых имели бы право преподавать в школах начальных. Российское правительство частично согласилось с этим проектом. В 1833-ем году было открыто две таких школы, получивших название центральных: одна в Гриме – для правобережных колоний, другая в Екатериненштадте – для колоний левобережных. В 1866-ом году преподавание в центральных школах было

переведено на русский язык, и школа в Гриме стала называться Лесно-Карамышским центральным русским училищем.

Школа в Гримме пользовалась популярностью, её закончили многие представители немецкой интеллигенции, в том числе такие известные, как Георг Дингес, Пауль Рау, Август Лонзингер, Франц Шиллер.

С 1827-го года Конради, оставаясь пастором в Гримме, был назначен главным пастором (пробстом) колоний Правобережья и был им до своей смерти в 1857-ом году. Он умер и был похоронен в Гримме.

Славе Гримма в округе способствовало и ставшее популярным местное изобретение – особого устройства веялка. В 1875-ом году два местных умельца: Ф.Фас и Д.Брунгард - соорудили веялку с долевым качанием решётки, которая не только в разы ускоряла процесс очистки зерна, но и значительно повышала её степень.

Изобретатели открыли мастерскую по изготовлению веялок своей конструкции, но удовлетворить возникший на них большой спрос даже близко не могли. Десятки кустарей сначала в Гримме, а потом и в соседних сёлах занялись этим производством. В 1880-ом году в округе было 19 мастерских, в 1890-ом – 116, а к 1900-му году число их стало близко к 300. Веялка с годами совершенствовалась и, несмотря на постепенное вытеснение ручного труда машинами, выпускалась до 1941-го года (я сам видел их в работе в Ключевском совхозе в конце 40-х годов).

Один из рационализаторов конструкции веялки-колонистки, кустарь из Гримма К.Штреккер, в 1897-ом году открыл там чугунно-литейную мастерскую, где начал выпускать веялочные ходы, благодаря чему все желающие кустари могли получить металлические части веялок в готовом виде (за своё изобретение Штреккер был удостоен серебряной медали на саратовской промышленной выставке в 1892-ом году). Штреккер каждый год расширял своё литейное производство, и вскоре его мастерская превратилась в небольшой завод, прославивший Гримм даже больше, чем Центральная школа или веялка-колонистка. Там стали выпускать изделия, без которых не могло обойтись ни одно домашнее хозяйство: котлы, в том числе большие, 10-12 - ведёрные, для нагрева воды и варки арбузного мёда, чугуны разных размеров, дверки, вьюшки и колосники для печей, сковороды, поворотные вафельницы, воротные и дверные навесы, лемеха для плугов. В советское время мастерская Штреккера была официально переименована в литейно-механический завод «Рекорд», в тридцатые годы на нём налажен был даже выпуск небольших токарных станков.

* * *

Заслуженной славой в округе пользовалась лесная биржа в Шиллинге (Сосновке) и организованное при ней производство по переработке древесины, услугами которого приходилось пользоваться практически всем: и строителю собственного дома, и промышленнику, и казённому начальнику.

Уроженцем Сосновки был известный немецкий общественный деятель, учёный и педагог Петер (Пётр Иванович) Зиннер (1879-1935? годы).

Выходцем отсюда был и известный врач, профессор Саратовского университета Пётр Карлович Галлер (1858-1920 годы). Его предком (дедом) был военнопленный наполеоновской армии, в 1813-ом году поселённый в колонии Шиллинг. П.Галлер закончил школу в Сосновке, потом гимназию в Саратове и медицинский факультет Юрьевского (Дерптского) университета. В 1886-ом году он защитил диссертацию и получил степень доктора медицины; вернулся в родные края, служил земским врачом в сёлах немецкого Поволжья, был штатным врачом и заведующим отделением Александровской больницы в Саратове.

В медицинском мире Галлер известен как учёный, занимавшийся проблемами эпидемиологии, оспопрививания и бешенства; им написаны и опубликованы научные труды по этим темам. В 1909-ом году в Саратове был открыт первый факультет университета – медицинский. Доктор медицины П.К.Галлер получил там профессорскую кафедру и занимал её до своей смерти в 1920-ом году. Он оставил после себя воспоминания, которые были опубликованы в Саратове в 1927-ом году, уже после его смерти. Специалисты отозвались о них как о «ценном источнике по этнографии поволжских немцев».

* * *

Село Байдек было известно своей типографией, организованной при лютеранской кирхе. Начало этому делу положили местный пастор, уже известный нам Самюэль Бонвеч, и его помощник Теодор Гольц. Первым их изданием был периодический вестник «Wolgakalender». Сначала там печатались только религиозные материалы, потом стали появляться статьи по агротехнике, садоводству и другим сельскохозяйственным проблемам, советы по народной медицине, фольклорные публикации. Издательское дело в Таловке (это русское название Байдека) развил сменивший Бонвеча пастор Гуго Гюнтер; объём печатной продукции, выходящей при нём из типографии, увеличился в несколько раз.

Самой ранней по времени знаменитостью немецкого Поволжья принято считать дворянина и поэта Людвига фон Платтена (1733-1774 годы), автора первого поволжско-немецкого литературного произведения – поэмы о переселении немцев из Германии в Россию. Имя его связано с колонией Денгоф (Гололобовкой), куда в 1768-ом году прибыл он из левобережной колонии Иост по приглашению графа Денгофа, форштегера колонии, и где принял свою трагическую смерть в 1774-ом году.

В колонии Мессер родился Эдуард Губер (1814-1847 годы), поэтическая звезда которого так ярко зажглась и так быстро угасла, хоть и пророчили ему чуть ли не пушкинскую славу.

* * *

Во всех колониях были построены капитальные церкви, где раньше, где позже; самые основательные – в Бальцере, Байдеке и Мессере. Наибольшее впечатление производила мессерская кирха. Построенная в 1890-ом году (по другим сведениям – в 1912-ом) из красного кирпича в неоготическом стиле, она своей архитектурой и устремлённой ввысь колокольной привлекала внимание не только местных жителей, но и всех проезжавших по тракту Саратов – Царицын, проходившему неподалёку. Разрушить её в годы советской власти не удалось (видимо, надо было взрывать, да нечем оказалось), и остов её и поныне привлекает взгляд людей, вызывает удивление и оставляет горечь на душе.

Спокойная извилистая речка Карамыш течёт почти параллельно Волге, но в противоположном направлении, и чуть северо-западнее Норки впадает в Медведицу. Так вот получилось, что этот прилегающий к самой Волге район оказался в бассейне другой реки – Дона. Виновата во всех этих чудесах Приволжская возвышенность, вздыбившая правый берег Волги и погнавшая воды бесчисленных родников в сторону от неё.

После административной реформы Александра II в 1871-ом году были отменены все положения, регламентировавшие со времени Екатерины II жизнь немецких колоний, и ликвидирована Комиссия иностранных поселенцев. Правобережные колонии в большей своей части оказались в составе Камышинского уезда Саратовской губернии, лишь некоторые из них – в уезде Аткарском.

Колонии и раньше имели не только немецкое, но и русское название, и только их следовало употреблять в официальной переписке. Бальцер звался Голым Карамышом, Шиллинг – Сосновкой, Байдек – Таловкой, Гримм – Лесным Карамышом, Мессер – Усть-Залихой, Денгоф – Гололобовкой, Моор – Ключами, Антон – Севастьяновкой. Только Норка и так и так была Норкой.

* * *

После организации в 1918-ом году Немецкой автономной области (Трудовой коммуны) все немецкие поселения вошли в состав Голо-Карамышского уезда области (только в 1922-ом году Золотовская, Ахматская, Банновская и Топовская волости тоже были включены в состав уезда). В 1924-ом году после организации Автономной республики немцев Поволжья было введено кантонное деление; кантонными центрами в нашей округе стали Бальцер, Золотое, Бэр и Франк, позднее - Гримм и Диттель.

Начавшаяся после большевистского переворота гражданская война не обошла стороной и эти края. Вот выдержки из некоторых документов этого времени (приведены профессором Германом).

«На территорию Бальцерского уезда пришёл фронт. Войска Деникина захватили южную часть уезда, они были остановлены в 10-ти километрах от Золотого и в 15-ти километрах от Бальцера. Но ещё прежде, чем они туда

пришли, уезд был в буквальном смысле опустошён отступавшими частями Красной армии...»

«Не менее жестокому разграблению подвергли захваченную территорию и деникинские войска. После того, как белые были отброшены и фронт переместился за пределы автономии, Бальцерский (Голо-Карамышский) уезд представлял собой печальное зрелище...».

Потом были грабительская продразвёрстка (почти все немецкие крестьяне считались кулаками и на них накладывались более тяжёлые оброки, чем на мужиков русских), тиф и голод 1921-22-го годов.

Убедительной иллюстрацией того, во что обошлись эти годы бальцерской округе, могут служить сведения о численности населения по переписи 1926-го года: Антон – 1750 человек, Байдек – 3940, Бальцер – 11600, Гримм – 5300, Гукк – 4900, Денгоф – 5040, Куттер – 2070, Мессер – 3580, Моор – 3650, Норка – 7210, Шиллинг – 2770. Достаточно сравнить эти данные со сведениями по переписи 1912-го года, чтобы понять всю глубину постигшей колонии трагедии и разрухи. В целом по перечисленным 11-ти колониям убыль населения составила 40 процентов, а в таких сёлах, как Норка, Гримм, Гукк и Куттер количество народу уменьшилось вдвое.

А впереди были коллективизация и голод 1933-го года.

Коллективизация началась в 1929-ом году, и уже в августе 1931-го года руководство республики, захлёбываясь от восторга, докладывало товарищу Сталину, что «партийная организация Немреспублики... завершила в основном коллективизацию...».

Сегодня мы знаем и открыто говорим о том, что скрывалось за этой партийной риторикой: выселение в неведомые края (со стариками и малыми детьми) самых рачительных, самых трудолюбивых крестьян, разрушение самих основ сельской жизни, жестокая принудилровка, ломка всего и вся, в том числе и религиозных устоев.

Но в то время так об этом говорить было очень и очень опасно, в то время говорилось совсем другое.

Запечатлеть для истории процесс коллективизации взялся получивший уже известность в республике молодой писатель Герхард Завацкий. Он родился в 1901-ом году в меннонитской крестьянской семье, в начале века перебравшейся на Алтай. В 1927-ом году он окончил Ленинградский педагогический институт имени Герцена, был направлен на работу в Бальцер, где преподавал в школе-девятилетке немецкий язык и литературу. В начале 30-х годов он перебрался в Энгельс, начал работать в журналистике, при этом публиковал и собственные стихи и рассказы. В 1934-ом он начал писать роман «Wir selbst». Действие романа происходит в некоем городе – кантоном центре, и некоем селе, в которых без труда узнаются Бальцер и Гукк (Сплавнуха). Все остальные населённые пункты округи названы своими именами: Ахмат, Мордовое, Антон, Шиллинг, Топовка и так далее.

Роман получился большой, по объёму не уступающий шолоховской «Поднятой целине», но в отличие от романа Шолохова света он не увидел: автор был арестован в 1938-ом году по типичному тогда в АССР НП вздорному обвинению в национализме и фашизме. По одним сведениям, он был отправлен в лагерь под Соликамск, где умер в 1944-ом году, по другим – расстрелян в год ареста. Роман, в рукописи сохранённый его вдовой, был напечатан в 80-х годах в альманахе «Heimatliche Weiten».

Мы знаем, в каких океанах лжи и фигур умолчания была утоплена в советское время правда о коллективизации, одном из самых трагических этапов в жизни страны. Автор, видевший всё воочию, но всё-таки взявшийся писать об этом и желавший видеть своё произведение напечатанным, в угоду официальной точке зрения должен был лгать, лгать и ещё раз лгать. Так что роман Завацкого в наши дни вряд ли может рассматриваться как художественная или историческая ценность; однако, некоторые бытовые зарисовки лично у меня вызвали интерес. Интересно само узнавание того, что когда-то было частью твоей жизни: описание улиц города (автор и их названий не стал менять), вонючей речушки, текущей почти через весь Бальцер с востока на запад, в которую сливались отходы кожевенных и красильных производств; дороги от Мордового до Бальцера с её подъёмом, казавшимся в детстве более значительным и более крутым, чем увиделось потом; и даже то, что улица Кирова до 1935-го года, оказывается, называлась Deutschestrasse (улица Немецкая в немецком городе?), не говоря уж о том, что в одном из действующих лиц узнался вдруг родной отец.

Сегодня уже ни для кого не секрет, что причиной голода 1933-го года, охватившего Нижнее Поволжье, Украину и юг России, явились последствия всеобщей коллективизации, да и вообще всей политики власти в отношении крестьянства. Вот строки из официального донесения прокурора Немреспублики в Москву: «...В Бальцерском кантоне на почве голода имелись случаи смерти колхозников и людоедства...В селе Гукк с 1-го по 15-ое марта умерло 70 человек. В селе Денгоф с 1-го по 12-ое марта умерло 57 человек. В апреле и мае смертность продолжала расти. Только в Бальцерского кантона с 1-го по 24-ое апреля умерло 892 человека против 752-х за весь первый квартал, причём некоторые сёла увеличили смертность более чем на 200% по сравнению с первым кварталом 1933-го года (Старая Топовка – за 1-ый квартал 33-го года умерло 42 человека, за 25 дней апреля – 95 человек)».

* * *

После выхода указа от 28-го августа 1941-го года немецкое население было подвергнуто принудительной депортации. По планам НКВД весь Бальцерский кантон отправлялся на высылку со станции Увек, а до неё – 60-70 километров. Большинству изгоняемых пришлось добираться до Увека пешком с детьми, стариками, больными. Отправка со станции производилась с 12-го по 21-ое сентября. За эти дни ушёл 21 товарный состав, в которые погрузили более 40 тысяч человек. Адреса назначения были разные: Красноярский край, Алтай, Казахстан.

В начале 1942-го года все населённые пункты с немецкими названиями были переименованы, при этом лишь некоторым из них были сохранены прежние русские названия. Бальцер стал Красноармейском, Гримм - Каменским, Норка - Некрасовом, Денгоф – Высоким, Байдек – Луганским, Антон – Садовым; только Гуку, Мессеру, Шиллингу и Моору сохранили почему-то их прежние русские названия Сплавнуха, Усть-Залиха, Сосновка и Ключи

* * *

Я уже приводил сведения о численности населения, проживавшего на территории нынешнего Красноармейского района в 1912-ом году – около 150 тысяч человек. По переписи 1939-го года жителей стало значительно меньше – 95 тысяч. Готовя этот материал к помещению на сайт А.А. Шпака, я заглянул в официальную страницу главы Красноармейского района, где нашёл сегодняшнюю численность его населения – 48 тысяч человек, из которых половина живёт в районном центре. Я любопытствовал далее. В Некрасове, бывшей Норке, сегодня проживают 1000 человек (более 14 тысяч в 1912-ом году), в Каменском (Гримме) – 1500 (11800), в Сплавнухе (Гукке) – 850 (7350), в Ключах (Мооре) – 560 человек (5700). И далее в том же духе. Комментарии, как принято говорить в подобных случаях, излишни.